
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

М. И. КРУПЯНКО, Л. Г. АРЕШИДЗЕ

ЯПОНИЯ: ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

*Под государственным национализмом в Японии (тэйкокусюги или коккасюги) мы понимаем исторически сложившуюся специфическую государственную идеологию и практику ее применения властями страны в политических целях. Японский национализм – это особый идеологический конструкт, давно созданный правящими элитами с целью удовлетворения внутренних и внешних потребностей нации, ее специфических интересов. И в этом отношении природа японского национализма может быть понята и объяснима как с позиций теории перенационализма, рассматривающей развитие нации с точки зрения **long duree**, то есть долговременной и непрерывной во времени составляющей ее исторического развития, так и с позиций модернистов, рассматривающих развитие нации и видов национализма как результат их недавней модернизации. Согласно модернистской теории именно в период модернизации государство и правящие элиты мобилизуют и объединяют нацию с помощью новой националистической идеологии, как правило, более агрессивной, наступательной, чем прежняя. И делается это для того, чтобы легче было вписаться и удержаться в новой системе международных отношений, стабильное пребывание в которой, как правило, сопряжено с новыми вызовами и угрозами выживанию нации (см. об этом подробнее: Armstrong 1982; Seton-Watson 1965; Connor 1994; Horowitz 1985; Anderson 1991; Hobsbawm 1990).*

Нам представляется, что именно такой подход к пониманию современного японского государственного национализма позволяет высветить его специфическую особенность, которая свидетельствует о том, что развивается он не столько как самостоятельная современная идеология, какой, например, являются либерализм, консерватизм, социализм, со своим комплексом идей и системой ценностей, а всего лишь как искусная их подмена, которая сознательно внедряется государством в массовое общественное сознание через распространение эмоциональных чувств, патриотизма, необъяснимой любви и предпочтений к одной «хорошей и уникальной» нации, какой «естественно» является японская, и соответственно «нелюбви и равнодушного отношения» – к другой или другим «плохим, варварским» нациям, к которым японские националисты традиционно относили Россию, Китай, Корею, в меньшей степени – Соединенные Штаты Америки (см. об этом: Neuwod 2007).

Иными словами, японский государственный национализм после холодной войны есть государственная идеология, крайне востребованная властью и обществом для целей выживания нации в XXI в. Эта идеология, как и любая другая государственная идеология, может рассматриваться как прогрессивная или реакционная, отражать левые или правые политические взгляды и убеждения. Но в ее отсутствие или при ее слабой выраженности Япония была бы обречена на утрату завоеванных ею во второй половине XX в. экономических и политических позиций мировой державы.

Давая определение национализму вообще, Макс Вебер в свое время правильно, на наш взгляд, подчеркивал, что национализм – это идеология, создаваемая властями для общества и предлагающая ему свой «рассказ» про «хорошую» нацию, про ее отношения с государством и с другими странами. Японские власти, активизируя сегодня идеологию государственного национализма, «рассказывают» обществу с позитивных позиций про особую уникальность японской нации, про ее огромный созидательный потенциал, а также про задачи власти по ее сохранению и совершенствованию. При этом правящая элита Японии всякий раз аккуратно «намекает» нации на то, что ее выживание во враждебном мировом окружении в XXI в. возможно только на пути

объединения коллективных усилий всех японцев «под руководством императора и государства» для защиты независимости и суверенитета страны и выполнения приоритетных задач национального развития.

Японский государственный национализм на современном этапе его развития – это комплекс идеологических воззрений и политической практики японских властей, в которой центральное место отводится манипуляции массовым сознанием японцев от имени нации и ради ее блага. При этом власти достаточно эффективно внушают японцам идеи их национального превосходства над другими народами и на этой основе консолидируют государство-нацию. Обращает на себя внимание тот факт, что национализм и националистическая идеология в Японии не пришли в упадок к началу XXI в. вопреки предрекаемой рядом теоретиков (например, Энтони Смитом) понижательной траектории развития этого феномена, а, напротив, набирают обороты. Это обусловлено, на наш взгляд, тем решающим обстоятельством, что японские власти и в начале XXI в. видят свое историческое предназначение в том, чтобы воспрепятствовать приходу в японское общество новых глобальных сил с чуждыми японцам идеологиями, способными только разрушить единство нации и ее «уникальность». Национализм в Японии и сегодня остается объединительной, защитной силой. Возможно, он останется таковым и в будущем. И связано это только с тем, что национализм как государственная идеология в Японии всегда находил поддержку со стороны подавляющей части общества, он неотделим от существования и выживания японской нации и японского государства. Власти тонко манипулируют национальными чувствами, мифами, традиционной японской культурой. Они в любой момент готовы скорректировать возникающие отклонения в национальной идеологии и направить ее в нужное русло. Власти современной Японии заинтересованы приложить все усилия к тому, чтобы «пробудить в обществе спящий национализм», исходя из понимания того, что это и есть «здоровый для нации национализм».

На рубеже XX–XXI вв. мы являемся свидетелями ренессанса японского национализма, когда после холодной войны для Японии, по сути, закончился период американской оккупации и США

отпустили ее в «свободное плавание» в новую хаотическую и нестабильную систему международных отношений многополярного мира, которая пришла на смену относительно стабильному биполярному миропорядку. Нынешняя правящая элита Японии (неважно, какая политическая партия сегодня в Японии находится у власти – консерваторы или демократы) уверена в своих силах по мобилизации традиционного японского национализма. Власти Японии доказали, что способны в короткие исторические сроки реанимировать (после первого в истории государства поражения нации во Второй мировой войне) уникальный феномен – японское государство-нацию вопреки серьезным усилиям США с корнем его уничтожить. Это стало возможным только благодаря использованию традиционного национализма как основного «строительного материала». В результате власти Японии обеспечили поступательное развитие государства-нации, сбалансированный и разносторонний экономический рост, высокий жизненный уровень основной массы населения, открытость каналов общения и самовыражения японцев. Через идеологию национализма в Японии были воспитаны организованное, работоспособное и отзывчивое население и, что немаловажно, зрелые, морально честные, чистоплотные и гибкие политические элиты. Опираясь на идеологию национализма, власти Японии научились воспроизводить в целом успешную модель национального развития, которая обеспечила национальный суверенитет и независимость нации. Государство-нация в Японии доказало возможность стабильного существования нации с гомогенной национальной идентичностью, способной служить моделью здорового национального развития для многих стран в мире.

Японские власти и дальше будут последовательно прилагать усилия к укреплению «духа нации», разумеется, не прибегая при этом к пропаганде расизма в виде «формы черепа, чистоты крови или генов», не призывая общество к насилию или культуре жестокости, как это нередко делают власти других государств. Японские правящие круги в отличие от националистической практики многих стран в своей пропаганде идеологии национализма не намерены порождать в обществе чувство отвращения к ней. Напротив, они нацелены на поддержание у

японцев веры в превосходство японской нации и государства, на распространение националистической идеологии, прежде всего среди японской молодежи. Власти страны будут тонко обрабатывать сознание будущих поколений японцев, работая «на длительную перспективу». Властям Японии удастся это делать эффективно, даже несмотря на то, что японцы много путешествуют по миру, проживают на своей территории вместе с мигрантами из других стран, существуют в мире широких транснациональных и глобализованных рынков, глобального консьюмеризма и массовых коммуникаций.

Таким образом, сегодня можно говорить о восстановлении в японской политической действительности идеологии, обслуживающей интересы националистических сил. И самое важное здесь состоит в том, что конечная цель этой деятельности – воздействовать на умы подрастающего поколения японцев в нужном властям направлении. Японские националисты сегодня работают в законодательных и исполнительных органах власти, школах и университетах. Они уже сформировали сеть организаций поддержки националистической идеологии по всей стране. При этом японские националисты работают не в рамках элитарных структур, деятельность которых особенно не видна на поверхности, а идут в народ, распространяя националистическую идеологию: корректируют школьные учебники, воздействуют через СМИ на массовое сознание японцев.

Националистические идеи находят отклик и понимание во влиятельных кругах японского общества. Правда, пока еще рано говорить о том, что националистическая волна накрыла Японию. Точно так же пока преждевременно думать, что японские националисты вовсю запустили процесс реанимации государственного национализма в Японии¹. В этой стране можно часто слышать, что системный кризис капиталистической системы 1990-х гг. – начала XXI в., переживаемый всеми ведущими странами Запада, включая Японию, открывает возможности для появления на политической сцене лидеров новой формации, новой государственной идеологии. Левые силы в Японии оказались неспособными на протяжении

¹ Хотя некоторые ответственные японские ученые считают, что такой процесс запущен. См. об этом: Комори Ёити, Такахаши Тэцую 1998; Ватанабэ Асаму 1998.

второй половины XX в. инкорпорировать идеи патриотизма в японском обществе, что сработало на руку правым силам, которые быстро заполнили образовавшийся вакуум. Резко сузившийся идеологический спектр в парламентской политике, там, где после войны левые партии имели стабильные позиции, сегодня постепенно заполняется политиками правого, националистического толка.

Особенности государственного национализма в Японии

Национализм в Японии имеет ряд особенностей. *Во-первых, его отличает государственный характер идеологии и политические цели ее реализации.* И только потом японский национализм отражает состояние ума самих японцев, является выражением национального самосознания или специфических интересов национальных групп. Идеология национализма в Японии традиционно решала задачу консолидации власти, ее удержания в руках правящей элиты и реализации на этой основе общенациональных задач. По сути, речь идет о форме такого государственного национализма, который был схож с антиколониальной борьбой народов за свою независимость, за исключение стратегического и экономического контроля со стороны Запада, обеспечивал противодействие его культурной экспансии и культурному превосходству. Механизмом осуществления этих задач были: установление государственного контроля над всеми сторонами жизни японского общества; реализация любых преобразований в политической или экономической системах сверху; формирование под патронажем государства гомогенной национальной идентичности населения. Государство в Японии заметно преуспело в создании специфической национальной общности, что верно подметил Джон Брейли в своей известной работе «Национализм и государство» (Breilly 1982: 2). Японский национализм как политическая практика не знал в своей истории политических конфликтов в форме противостояния одних групп населения другим по национальному признаку. Конфликты всегда имели место лишь как форма борьбы за власть разных политических сил, интегрированных, впрочем, в одну и ту же политическую систему. Не было в истории японского национализма и борьбы между собой

фиксированных национальных идентичностей, которые противоборствующие политические силы в нужный момент извлекали на свет и использовали в своих политических целях, что в принципе характерно для этнического национализма многонациональных государств, когда одна этническая общность ассоциирует себя с государством².

Во-вторых, государственный национализм в Японии всегда работал на мобилизацию нации на борьбу с внешней угрозой.

Япония относительно поздно (в конце XIX в. после революции Мэйдзи) приступила к военному соперничеству с другими великими державами за сферы влияния в регионе. Это требовало от государства и нации невиданной мобилизации усилий, в которую были втянуты крестьянство, рабочий класс, часть интеллигенции. Все эти группы населения говорили на одном и том же японском языке, имели одну и ту же религию, то есть политически японская нация полностью соответствовала понятию японского государства-нации, что делало последнее весьма консолидированным и сильным. Внутри государственных границ японская нация воспринимала себя как единую общность, росли понимание гражданами своей ответственности и чувство долга перед государством. Можно даже сказать, что в большинстве своем японцы разделяли цели и методы государственного строительства и национальную идею. Власти страны добились того, что в конце XIX – начале XX в. государство отождествляло себя с нацией, а нация – с государством. Политический национализм в Японии развивался как «интегральный» в том смысле, что милитаристские, индустриальные и реформистские начала национальной политики работали как единое целое. Государство осуществляло централизованный контроль над обществом, то есть массы мобилизовывались на государственные дела сверху вниз, а не снизу вверх, как в демократических странах.

Идеология государственного национализма в Японии традиционно была наделена государством особыми добродетелями японской расы-нации, позволявшими ей оправдывать свои

² Например, особая культурная идентичность шотландцев поддерживала чувство их общности в противостоянии другим британским гражданам, что было этнической реакцией шотландского меньшинства на политический национализм доминирующей группы британцев.

агрессивные устремления по отношению к другим нациям и прежде всего к своим соседям по Восточной Азии. При этом японский национализм представлял собой идеологическое смешение воедино милитаристских, индустриальных и реформистских аспектов национальной идеи, характеризовавших основные направления вмешательства государства в жизнь нации, формирования японской национальной идентичности.

В-третьих, важной особенностью национализма в Японии является то, что он одновременно отражает основные доктрины национального поведения страны в системе международных отношений, а именно: «оборонительную», «осторожного сближения с другими нациями», «просвещенного международного лидерства», «радикализации (обострения) конфликта». В первой половине XX в. национальное мышление японцев характеризовалось наличием всех основных особенностей его внешнеполитического поведения. Эта модель не была статичной, она развивалась в динамике. Она не была взаимоисключающей. Например, японский просветитель и основатель одного из крупнейших университетов страны – Кэйо – Фукудзава Юкити признавал, что японский национализм прежде всего отражал два основных принципа национального поведения, а именно: искусство «осторожного сближения» и «просвещенного международного лидерства». Именно эти ведущие принципы международного поведения, заложенные в основу внешнеполитической государственной идеологии, позволяли Японии устанавливать контакты с великими мировыми державами. Используя такую идеологию, власти Японии уже на рубеже XIX–XX в. вошли в клуб великих мировых держав и приблизились к «мировой цивилизации» через модернизацию нации. Эта идеологическая модель японского государственного национализма по-буждала лидеров иностранных держав проявлять уважение к «особенностям национальных традиций Японии» как важному элементу ее усилий по «поиску баланса между идеологией реформ и сохранением сильных авторитарных методов управления ими».

В-четвертых, японский национализм развивался в истории как авторитарный и императорский. Другие известные формы национализма, как то: либеральная, популистская, антиэкспансионистская – являлись скорее маргинальными для

японского национализма, нежели основными. Национальное мышление японцев в истории существенно отличалось от мышления англичан или американцев, но имело больше сходства с особенностями национального самосознания немцев и итальянцев. Правда, мышление европейских народов и японцев было заметно радикализировано в период с середины XIX до середины XX в., когда и Европа, и Япония участвовали в мировых войнах.

В-пятых, особенность государственного национализма в Японии заключается в том, что он представляет собой особое соотношение национального и интернационального в массовом сознании японцев. Национальное самосознание японцев всегда реактивно реагировало на внешние угрозы и было подвержено воздействию внешних факторов. С одной стороны, японская нация традиционно существовала в условиях страха перед внешними вызовами, что находило свое выражение в особом – «оборонительном» национализме и защитном патриотизме. С другой стороны, японский национализм выделялся по сравнению с другими странами такими своими особенностями, как, например, государствообразующая роль императора, его мифическая легитимность. Эти особенности составляли важные компоненты государственной идеологии и были широко распространены в массовом сознании.

Японский национализм имел долгую, почти 200-летнюю историю, начиная со школы Мито, когда в феодальной Японии Токугава Мицукуни (1628–1700) открыл Исследовательский институт истории Японии для написания «Великой истории Японии», труда, который писался 50 лет и был представлен сегуну в 1720 г.; он впитал в себя идеологию синтоизма и конфуцианской философии – основу самурайского национализма, который лег в основу известного лозунга предмэйдзийской Японии: «Сонно Дзёи» («Да здравствует император, долой варваров!»). Японские националисты всегда опасались, что европейцы и Запад разрушат не только социальную и политическую систему Японии, но и японскую нацию – «кокутай», в которой император всегда выступал как защитник нации, заботящийся о всех своих подданных, как отец японского народа.

Наконец, важная особенность японского государственного национализма заключается в его комплексном и динамичном

характере. Государство заинтересовано в том, чтобы существовало много разнообразных проявлений национализма или, выражаясь фигурально, много японских «национализмов». Сегодня в Японии существует масса националистических организаций и националистов. В одном случае они представлены «международными на-ционалистами», в другом – «национальными экстремистами», «националистами национальных меньшинств – айнами и окинавцами», «националистами, пропагандирующими реформы школьных учебников по истории», «националистами, поддерживающими посещение первыми лицами страны синтоистского храма Ясукуни». Перечисление даже этого, далеко не полного, списка разного рода вариантов проявления «японского государственного национализма» говорит о заинтересованности властей в поддержании разнообразия националистических идей и форм их реализации.

Современный японский государственный национализм, на наш взгляд, дает богатый материал для теоретического и практического сравнительного анализа разных вариантов национализма. С одной стороны, национализм в Японии имеет много общего с национализмом большинства стран Европы. Более того, трансформация национального самосознания японцев в драматические периоды истории страны, как это можно видеть на примере писем с фронта японских солдат, участвовавших в Русско-японской войне 1904–1905 гг., свидетельствует об универсальности национального мышления японцев и народов других государств-наций. То, что рядовой японский солдат думал о своей национальной идентичности в ходе Русско-японской войны, мало отличалось от мыслей английских, французских или германских солдат, воевавших на фронтах Первой мировой войны. Разновидность национального экстремизма в Японии и странах Европы в 1930-е гг. также имела много общих черт. В 1960-е гг. обнаружился новый глобальный тренд в сторону признания идентичности отдельных национальных меньшинств в границах крупных государств-наций, и Япония с проблемами ее национальных меньшинств в лице народности айну или жителей Окинавы не являлась особым исключением на общем фоне. Подъем антияпонских националистических настроений в Китае в 1990-е гг. зеркально отразил проявления неонационализма в Японии в этот

период, что нашло свое выражение в пересмотре содержания школьных учебников по истории, а также в использовании более жесткого националистического языка японскими властями в 1990-е гг. и в первой декаде XXI в., когда, например, министр иностранных дел Японии в кабинете Хатаяма – Окада делал жесткие заявления в адрес российских властей, требуя немедленного решения территориальной проблемы Южно-Курильских островов на японских условиях.

Изучение государственного национализма в Японии помогает, с одной стороны, избегать упрощенческих оценок этой идеологии и практики ее внедрения в национальное сознание, а с другой – обнаруживает его действительно самобытные черты на фоне особенностей национализма в других странах. Поэтому нам представляется, что имеет смысл говорить о «национализме в Японии», а не о «японском национализме», что позволяет избегать субъективных оценок последнего.

Государственный национализм в Японии – явление весьма динамичное, он не статичен и подвержен изменениям. Пример с национализмом национальных меньшинств в Японии – национализмом айну – доказывает, что в Японии существуют и другие виды национализма, то есть не только «японский государственный национализм». В современной Японии развиваются новые виды национализма, которые вплоть до последнего времени официально замалчивались, не признавались и подавлялись на протяжении всего периода колониальной ассимиляции. Развитие национализма айну начиная с 1960-х гг. и вплоть до настоящего времени представляет собой весьма любопытный пример, показывающий, как внешняя политика и международное право вынуждают японские власти учитывать изменения в национальной идентичности и считаться с интересами национальных меньшинств в Японии. Признание в Японии национальной идентичности меньшинств подрывает официальную идеологию «гомогенности» японской нации, исключительности национальной идентичности японцев. Признание за айну своей национальной идентичности разрушает очередной миф о единой японской нации, политизирует национализм в Японии и приводит к очередному кризису японской идентичности. Кроме айну требования о признании национальной идентичности выдвигают

корейцы и китайцы, которые длительное время проживают в Японии и ассимилировались в японском обществе.

С другой стороны, символ японского государственного национализма – синтоистский храм Ясукуни сопротивляется удалению из его стен священной памяти о лучших представителях японской нации, «героях», попытки этого предпринимают народы бывших японских колоний, что лишний раз подтверждает трудности простого демонтажа путем внешнего давления здания японского довоенного национализма, японского духа.

Власти современной Японии активно борются за сохранение в массовом сознании японцев «японского довоенного государственного национализма» и в меньшей степени беспокоятся о «чистоте разных других форм национализма в Японии».

Теоретическое осмысление национализма в Японии

Японские ученые никогда не разрабатывали собственной теории национализма, поскольку в этом для них не было необходимости. В японском языке нет даже понятия «национализм».

Оно обозначается иероглифами «народность» («миндзокусюги»), а националистов называют «народниками» («миндзокусюгися»), что по своему смыслу далеко от восприятия понятий «национализм» и «националист» в европейском смысле слова. При этом показательно, что в японском языке и то и другое понятие имеет исключительно положительное значение. И обусловлено это тем обстоятельством, что национализм в Японии никогда не был абстрактной теорией, он рассматривался властями страны как крайне важная идеология и политическая практика.

Национализм и националистическая идеология в Японии традиционно политически обслуживали государство-нацию. Они помогали в истории японского государства отстаивать национальный суверенитет над территорией и подданными, избегать колонизации Японии со стороны Запада. В этих целях, опираясь на националистическую идеологию, государство использовало военную силу, мобилизовывало нацию, увеличивало налогообложение и вообще обеспечивало государственный контроль над обществом. Восстановление в результате революции Мэйдзи в 1868 г. императорской формы правления после

многовекового правления сегуната привело к тому, что национализм стал особой политической силой, которая способствовала успешности политической практики по консолидации общества на решение задач модернизации страны и защиты национального суверенитета.

Теоретическое осмысление национализма в Японии можно проводить с позиций историков-регионоведов, неплохо осведомленных об особенностях национального развития той или иной страны, но можно и с позиций ученых-социологов, не привязанных к истории конкретных стран, но владеющих теорией вопроса. Симбиоз таких специалистов, на мой взгляд, позволяет шире оценивать многоаспектную проблему японского национализма как сложного явления, которое к тому же, несмотря на глобализирующийся мир и «мир без границ» XXI в., не только сохраняет многие свои традиционные черты, но и набирает динамику.

Из всех известных направлений теоретической мысли о природе идеологии национализма, а именно: социокультурной теории Эрнеста Геллнера, соединяющей нацию и национализм с потребностями выработки «высокой культуры» для нужд модернизации и промышленного развития, социоэкономической теории Тома Нейрна и Майкла Хечтера, выводящей национализм из соображений рациональной эксплуатации мировой экономики и социально-экономических интересов индивидов, идеологической теории Эли Кедури, а также Брюса Капферера и Марка Юргенсмайера, которые рассматривали национализм как систему убеждений, суррогата религий и связывали его зарождение и мощь с изменениями в сфере идей и убеждений, – нам представляется наиболее адаптивной и применимой к условиям развития национализма в Японии теория, более сфокусированная на его политической природе, которая была разработана такими признанными учеными-теоретиками национализма, как Чарльз Тилли, Энтони Гидденс, Майкл Манн и Джон Брейли. Эти ученые рассматривали взаимоотношения национализма с политическими интересами власти, элит и государства.

Формирование японского национализма укладывается в определение, данное Энтони Гидденсом в его известной работе «Государство-нация и насилие». В ней Гидденс подчеркивал, что

государство есть «территориально ограниченное национальное образование, опирающееся на военную силу», а нация и национализм есть его важнейшие отличительные черты. «Нация есть общность, существующая на четко ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации, рефлексивно контролируется внутригосударственным аппаратом» (Giddens 1985: 116). Гидденс определяет национализм как преимущественно психологическое явление, как «приверженность индивидов к совокупности символов и верований, придающих особое значение чувству общности у представителей данного политического порядка» (*Ibid.*: 116–117). Прав Гидденс, когда подчеркивает, что национальное государство и национализм появляются только тогда, когда столица государства начинает отправлять свои постоянные управленческие функции. Именно за это на протяжении нескольких столетий в XII–XIX вв. в Японии боролись лидеры нескольких японских сегунатов. Они интуитивно руководствовались идеей, что нация формируется только в ходе государственной централизации и административной экспансии, так как государство есть «важнейшее вместилище власти, обладающее национальными границами» (*Ibid.*: 120).

Национализм в Японии появился задолго до Нового времени, и в этом отношении его возникновение и формирование выходят за исторические рамки политических модернистов. Национализм в Японии, по сути, стартовал одновременно со становлением японского государства, в котором понятие «родина» уже было переплетено с мифами о божественном происхождении государства Ямато от богини неба Аматэрасу, которая и выступала носителем этих националистических идеалов (*Ibid.*: 216). Таким образом, национализм в Японии, с одной стороны, выступал как особая восприимчивость нации к национальному суверенитету и независимости, а с другой – как выражение особого пиетета к административной власти, которая этот суверенитет защищала в истории государства.

В этом, нам представляется, и была историческая «рациональность выбора» японцев, которым было трудно себя представить в роли колонии Запада, зависимой и подконтрольной иностранным государствам. Поэтому национализм в Японии был изначально обречен развиваться как «неизбежно государственный и

политический», тогда как «культурному национализму», который по определению всегда находился в контротношениях с «политическим», в национальной истории Японии оставалось немного места. «Культурный национализм» мог бы занять место «политического» только в случае провала последнего (как, впрочем, это имело место после поражения Японии во Второй мировой войне и ее насильственной оккупации войсками США в 1945 г.), но в японском обществе не находилось большого числа сторонников «культурного национализма», так как он не обладал столь необходимой «коллективной энергией», только и способной отстоять национальный суверенитет и независимость. Такие задачи под силу было решать лишь «политическому национализму», способному в первую очередь мобилизовать нацию на их решение. Так же, как и на Западе, для Японии была характерна траектория развития политического национализма, основанная на модели «от государства – к нации», а не на модели «от нации – к государству», скорее свойственной «культурному национализму».

Национализм в Японии никогда не развивался как результат разрыва между автономным государством и обществом, никогда не являлся отражением недовольства нации правящей элитой государства, толкающим его на протестные действия под националистическими знаменами. Может быть, это являлось следствием того, что, как справедливо замечает в своей работе «Национализм в Азии и Африке» английский исследователь Эли Кедури, основной удар отчуждения общества от государства традиционно брали на себя лица свободных профессий и интеллектуалы, другие образованные слои общества, которых, однако, в древневековой Японии были единицы (Kedourie 1971).

Национализм и нация оказались значимыми в истории Японии лишь постольку, поскольку они были связаны с государством, то есть с достижением и сохранением государственной власти. В Японии нация не обладала никаким независимым концептуальным статусом вне своей связи с государством. В Японии нация всегда была инкорпорирована в понятие государства и никогда не существовала независимо от него. Японцы в своей истории отдавали жизни не за абстрактную нацию как «сообщество незнакомцев», а за весьма конкретное государство-нацию, с которым они ощущали тесную психологическую связь, даже если

они и не были знакомы с большинством его представителей, ради которых были готовы пойти на реальные жертвы.

Японский национализм признавал особую значимость националистической идеологии и национальной символики, считая их важнейшими составляющими процесса образования государства-нации как «политического сообщества» и «вместилища власти». Развитие национализма в Японии показывало, что он не только охватывал одну идею политического сообщества или был средством государственной власти, но и всегда был тесно связан с культурным сообществом, то есть с «народом» («миндзоку»), проживающим на своей исторической и духовной родине. Поэтому стремление к политической автономии на своей территории являлось важной составляющей японского национализма, хотя и не исчерпывало всех его идеалов (см. об этом подробнее: Smith 1986: ch. 3).

Японская нация была сформирована государством в результате его экономической и военной деятельности и никогда не создавалась «по плану» дипломатами и государственными деятелями путем заключения международных соглашений после очередных продолжительных войн. По Тилли, именно государство возникает раньше нации, тогда как последняя является лишь простой конструкцией, зависящей от государства по своей силе и значению, а потому она никогда не бывает самостоятельной (Tilly 1975). Государство в Японии возникло в результате внутренних войн, то есть «война создала государство», а уже потом оно само стало вести войны. Войны и конфликты были двигателями процесса создания государства в Японии и формирования японской нации. Именно поэтому впоследствии японский национализм расширил и углубил роль войны. Японские националисты считали войну необходимой для выживания нации и ценностей, ее олицетворяющих. По мере роста промышленного производства и технологий массового уничтожения с конца XIX и в первой половине XX в. этот идеал способствовал переходу Японии к участию в серии международных конфликтов. Это сопровождалось глобализацией государственной системы Японии под воздействием национализма и растущим проникновением государства в повседневную жизнь японцев от имени нации.

Роль перманентных войн и конфликтов, в которых участвовало государство в Японии и которые работали на укрепление японского

национализма, была действительно значимой. Во время этих войн японская нация усиливала чувство коллективной идентичности путем мобилизации мужчин, поддержания враждебности к другим нациям, использования воспоминаний и мифов о битвах для последующего оформления чувства национального единства. Майкл Манн писал по этому поводу, что войны обладают первостепенной важностью в процессе формирования национализма (Mann 1986: 527–530). Так же, как Тилль и Гидденс, являясь убежденным модернистом, Манн утверждал, что военно-политические факторы играли важную роль в становлении наций и национализма. И этому мы находим подтверждения в японской истории,

в которой на протяжении длительного периода XII–XIX вв. шел процесс консолидации нации и национализма именно под руководством военной формы правления – бакуфу (полевая ставка), а после революции Мэйдзи – императорского правления. В этот период формировалось ядро «агрессивного японского национализма», число сторонников которого постепенно увеличивалось по мере роста милитаристского капиталистического государства, социального расслоения в обществе, объективной необходимости для правящей элиты внешних захватов рынков сырья и рынков сбыта для сохранения власти и выживания нации в условиях обострения борьбы между великими мировыми державами за сферы влияния и контроля в системе международных отношений.

Согласно политической теории национализма, в Японии государство всегда довлело над жизнью своих подданных, облагая их налогами и призывая на военную службу, пытаясь мобилизовать их энтузиазм ради собственных и государственных целей. Однако в отличие от национализма Европы в Японии его развитие не являлось составляющей широкого движения за демократию. Именно этим, вероятно, и можно объяснить его агрессивную природу. Национализм в Японии не развивался как реакция на авторитарные, милитаризованные действия государства, которое беспрепятственно вторгалось в семейную жизнь японцев, религию и систему образования, подчиняя их своим интересам. Национализм формировался властями Японии, которые внушали народу, что его частные интересы и национальные интересы государства есть одно целое.

В результате народ был приучен к тому, что он есть составная

часть милитаризованного сообщества, которое защищает его интересы, но взамен рассчитывает получить лояльность и исполнение долга перед нацией.

Рассматривая национализм в Японии с позиций государства, как продукт гармонических, а не конфликтных отношений, следует обратить внимание на то, что японские националисты всегда поддерживали государство в вопросе о расширении национальных границ. Для них было нормальным и даже «естественным» решение проблемы расширения национальных границ с использованием силы (см. об этой стороне государственного национализма: Tilly 1975). Более того, если обратиться к попыткам Японии вернуть российские территории в районе Южных Курил, то нельзя не заметить, что националисты апеллируют при этом к чувству «родины», к возвращению исконных, а потому священных японских территорий, а не просто восстановлению границ между двумя государствами, нарушенных в результате Второй мировой войны. Японские власти всегда тонко манипулировали чувствами японцев – эмоциональными и политическими – к своей земле, истории и территории, превращая их в главную движущую силу национальной мобилизации и последующих притязаний на правовой статус.

Работая на государственные интересы, японские националисты не устают подчеркивать уникальность японской нации и японской народной культуры. В этих целях в Японии в 1970-е гг. была даже разработана специальная националистическая теория – «нихондзинрон». Важно отметить, что националистическая теория об исключительности японской нации разделяется подавляющим большинством ее представителей. Японцам приятно видеть и сознавать, что иностранцы отдают дань уважения особому характеру японской культуры, традиций. При этом никто из японских националистов не говорит о том, что японский национализм не раз в истории являлся в форме агрессивного национализма и даже фашизма, столь далекого от демократического, либерального национализма. Не говорят японские националисты и о том, что государство не раз в своей истории не выполняло собственных обещаний, данных нации, в экономической, культурной и политической областях. Тем самым государство подрывало концепцию «горизонтальности нации»,

равных возможностей и равной ответственности лидеров перед своим народом, заменяя ее концепцией «вертикальной нации», когда народ становился лишь послушным исполнителем воли государства.

Исторический опыт развития японского национализма подтверждает, что его главной целью всегда являлось укрепление государства. При этом националистическая идея как политическая доктрина держалась в Японии на трех опорах: во-первых, японская нация обладает ярко выраженной уникальностью и особым характером; во-вторых, интересы и ценности японской нации обладают приоритетом перед всеми остальными интересами и ценностями;

в-третьих, японская нация должна быть независимой, насколько это возможно в данный исторический момент. В истории Японии национализм как форма политики иногда выступал в форме оппозиции существующему правящему режиму. Так было накануне реставрации императорской модели правления, которая должна была заменить слабеющий режим правления сегуната Токугава в середине XIX в. Мобилизация оппозиционных политических сил трех мятежных провинций южной Японии с использованием националистического лозунга: «Да здравствует император, долой варваров!» – была предназначена для того, чтобы покончить с существующим режимом сегуната, реформировать его в националистическом направлении, укрепить независимость и суверенитет.

Джон Брейли выделяет несколько классов национализма в зависимости от того, за что они выступают (за национальное объединение, за реформы) и с какими типами государств они связаны

(с национальными или с империями) (Breuille 1993: 12–14). Подъем националистических настроений, как мы это видели на примере мобилизации политических и военных сил южных провинций Японии накануне реставрации императорской власти, был способен заменить одну систему власти другой, объединив различные социальные группы и обеспечив общую основу их разрозненных социальных интересов. Японским националистам удалось тогда объединить в общем реформаторском порыве средних чиновников, часть недовольного внутренней и особенно

внешней политикой сегуната самурайского сословия, лиц свободных профессий, торговцев и интеллектуалов. В националистическом движении в Японии в последние годы правления сегуната Токугава участвовали крестьяне и рабочие, но их солидарность не носила классового характера, а была продиктована надеждами на императорскую власть, которая принесет им облегчение в труде и улучшит материальное положение. Однако в Японии национализм рабочего класса и крестьянства не был оппозиционным. Напротив, мобилизованные в армию японские рабочие и крестьяне становились образцом выполнения воинского долга, служения императору и нации.

Японская интеллигенция играла важную роль в подъеме националистических движений. Она по большей своей части всегда была настроена конформистски по отношению к государству и часто по-соглашательски воспринимала его внутреннюю и внешнюю политику. В случае с национализмом в Японии справедливо, на наш взгляд, звучит утверждение Брейли о том, что дискурсивные навыки, статусные интересы и профессиональные потребности лиц свободных профессий делают их решительными сторонниками дела национализма, что подтверждается националистической практикой в Японии (Breuille 1993: 36–46). Интеллигенция Японии предпочитала подчиняться социальным ограничениям, вводимым государством, и часто действовала в рамках существующих на данный исторический момент политических режимов.

Применительно к объяснению причин подъема современного японского национализма уместными, на наш взгляд, выглядят рассуждения Брейли об углубляющемся разрыве между «государством» и «обществом» в условиях современной стадии развития капитализма, когда государство сильно «обюрокрачивается» и сосредоточивается преимущественно на своем собственном выживании, тогда как общество оказывается брошенным на произвол судьбы и должно само беспокоиться о своем выживании, особо не рассчитывая на поддержку со стороны государства. В этих условиях востребованность идеологии национализма действительно сильно возрастает. Джон Брейли подчеркивает, что именно возникновение проблем раскола в отношениях между

государством и обществом порождает национализм. Национализм становится политической попыткой решения этой проблемы. Единственной заботой национализма становится восстановление гармонических отношений между государством и обществом. Националистическая идеология, с одной стороны, удовлетворяет духовные потребности общества, напоминая ему об «исключительности» нации, а с другой – оказывает поддержку правящей политической элите по консолидации общества «равных граждан» (Breuilly 1993: 70). Националисты как бы возвращают общество к его естественному состоянию, акцентируя внимание граждан на восприятии национальной культуры и национальной уникальности через призму уникальности того государства, в котором они проживают и которому они всем обязаны. Другими словами, задача националистов в современных условиях заключается в наведении мостов между культурной уникальностью нации и ее политической уникальностью, а главной целью националистических движений становится воспитание чувства национальной идентичности и в первую очередь – у правящих элит.

С этой задачей эффективно справляются националисты Японии. Они воссоединяют общество и государство, активно пропагандируя идеи «уникальности» японской нации не только в рамках собственного государства, но и в сравнении с другими нациями. Националисты Японии незаметно перескакивают от культуры к политике, подменяют культурную самобытность японской нации политической нацией граждан. Тем самым японские националисты, хотя бы в рамках Японии, стремятся решать проблемы раскола между государством и обществом, которые с чрезвычайной остротой выходят наружу с наступлением этапа «тоталитарного», то есть глобального, капитализма после окончательного уничтожения конкурирующей социалистической системы. Японские националисты своей националистической пропагандой стремятся восстановить славное прошлое нации, которое благодаря усилиям государства было успешно преобразовано в светлое настоящее и оптимистическое будущее. Националисты Японии всегда старались внушить обществу понятные чувства различия между «нами» и «ними», чувство территории как Родины, осознание принадлежности к уникальной

и ограниченной в мире культуре, что должно было наполнять душу японцев не только гордостью, но и смыслом жизни. Никакая иная идеология, кроме националистической, не может состязаться в этом по силе своей убежденности и правдоподобности. Как справедливо подчеркивал Джон Брейли (что справедливо и в отношении национализма в Японии), национализм есть «форма политики, которая может быть понятна лишь по отношению к тому, как развивалось государство» (Breuilly 1993: 379–380). При этом культурная идентичность нации становится основой ее политической мобилизации. Именно поэтому японские националисты так бережно охраняют культурную идентичность японцев, заботятся об уникальном культурном наследии нации и «индивидуальности» каждого отдельно взятого японца. Ибо без такой коллективной идентичности невозможно существование зрелой и управляемой нации. При этом они никогда не подрывали основы того, что национализм должен оставаться формой политики государства и ничем иным.

Японские националисты опираются в своей пропаганде на религиозную, расовую и лингвистическую националистическую идеологию, однако они никогда не отрицают первичной роли государства. Национализм – это форма политики, но это и форма культуры, основанная на уникальном историческом опыте развития

нации, которая поддерживает ее дух, внутреннюю энергию и динамику развития, создает основу для представлений последующих поколений об их общей судьбе с жившими до них предками. Поэтому японские националисты предлагают сценарии «спасения нации», используя в том числе религиозную, расовую и лингвистическую идеологию и традиции, не забывая при этом политических задач развития государства.

Особое значение националисты Японии придают включению в свои ряды образованной интеллигенции, лиц свободных профессий, способствующих развитию и сплочению националистического движения как политического. В первую очередь в Японии обращают внимание на вовлечение школьных учителей и преподавателей вузов в националистические движения. Лица умственного труда ставят категорию «нация» на первое место и придают ей важное политическое значение. Именно их

воображение и разум придают нации ее очертания и основное эмоциональное содержание. С помощью своих образов и символов, таких как «народ», «Родина», «судьба», они описывают и представляют своим слушателям значение и особый, уникальный характер нации. Такие образы придают национализму его мобилизующую привлекательность и направленность. Без них национализм был бы лишен своей необычной мощи. Без таких образов политическое движение было бы просто антигосударственным, а особому идеалу нации не доставало бы того, кто вел бы ее в нужном направлении. Идеология и символика национализма значимы как политические институты и политические движения (см. об этом: Андерсон 2001: гл. 5).

Территория для японских националистов имеет значение необходимой арены и формата государственной власти, националистических устремлений. Стремление контролировать «свои исконные территории» весьма характерно для японского национализма, так как это «земля наших предков», историческая земля, а потому она столь желанна из-за своей символической ценности, своего политического значения или экономических ресурсов, принадлежащих японской нации. Брейли считает государство силой, которая должна формировать привязанность к национальной территории, любовь к символам, образам и понятиям национализма. В конечном счете, считает Брейли, чтобы превратить какую-то территорию в Родину, необходимы образы и националистическая символика, которую и закладывают в массовое сознание интеллектуалы (Breuilly 1993: ch. 10).

Японская нация и японский национализм были созданы сильным государством, сформированным на основе единых культурных групп, существовавших со времен далекой древности. Японское государство всегда было движущей силой процесса объединения разбросанных культурных групп, вводя собственные налоги, участвуя во внутренних гражданских войнах, отправляя правосудие и т. п. Но всегда в национальной истории государство в Японии извлекало пользу из культурного единства нации, которая поддерживала его власть и обеспечивала материально его элиту. Последнее было особенно зримо в периоды попыток вторжения внешних сил (завоевательные походы Кубилай-хана на Японию в XIII в. и коллективное национальное сопротивление врагу

японской нации). Это значит, что в Японии государство всегда развивалось *pari passu* (наравне) с нацией, потому что у основного населения, которое поддерживало государственные элиты и проживало на исторической территории государства, уже имелись единые мифы, воспоминания и символы формирующегося национального сообщества. И даже если в отдаленном прошлом население Японии происходило из двух основных этнических источников (с севера – племена айну, а с юга – племена хаято), то в последующие исторические периоды обстоятельства совместного проживания сплачивали их, у них появлялось чувство культурной общности, которое

в свою очередь создавало основу государственной власти и государственных институтов управления. Жители Японии использовали общий язык для отправления функций управления, для исполнения религиозных обрядов как заимствованного из Китая буддизма, так и национального синтоизма. И даже в период активного проникновения христианства в Японии в период XVI–XVII вв. мессы в католических костелах также проводились на японском языке, общем языке государства и общества.

Таким образом, государственный и культурный национализм в Японии исторически развивались рука об руку. Этничность и язык в Японии никогда не были альтернативной основой для мобилизации общества против государства и правящих элит. Модернизация Японии также не стимулировала этнические оппозиционные движения в стране, как это имело место в империях Европы (реформы Иосифа II в Габсбургской империи) или Азии (реформы Танзимата – в Османской империи). Напротив, в Японии националисты традиционно обращались к народной культуре и общему национальному прошлому как к единственному фактору, который только и был способен объединить нацию и побудить ее к совместным действиям в истории страны. Японские власти никогда не ограничивали себя в эксплуатации исторического культурного наследия для удовлетворения своих текущих политических потребностей и интересов. Они возвращались к этому не раз в ходе подготовки внешних агрессий в Китай в 1894–1895 гг. и в 1937–1945 гг., в Корею – в 1910–1945 гг., в царскую Россию – в 1904–1905 гг., в СССР – с конца 1930-х гг. и в годы Второй мировой войны. Для

правлящей элиты Японии это было наиболее распространенным и привлекательным методом для мобилизации нации на борьбу с внешним врагом.

Идеология японского национализма всегда использовалась государством для мобилизации населения и легитимации своей агрессивной внешней политики. Власти страны действовали на ограниченном территориальном пространстве Японских островов, что, безусловно, облегчало их задачи по сплочению общества на идеологической основе, поскольку нация, и японская в том числе, – пространственно ограниченная категория. (Например, всегда было трудно сплотить на единой национальной основе многонациональный и разбросанный по обширной территории этнос Советского Союза и даже современной России.) Государство и нация в Японии всегда отделялись от других государств и наций признанными и постоянно охраняемыми границами, которые четко обозначали рамки их юрисдикции и одновременно охранялись не столько даже многочисленной армией пограничников, сколько созданием легальных барьеров для проникновения на территорию Японских островов. Так было в период «закрытия» страны от внешних сношений в период Токугава, так во многом остается и по сей день – натурализоваться в Японии иностранцам достаточно проблематично, и это относится не только к гражданам «враждебных государств», но также и к представителям «дружественных» стран.

Роль государства как центрального элемента националистической идеологии в Японии особенно значима. Японцы убеждены, что именно государство защищает нацию и национальную культуру. Государство в Японии оказалось способным даже в наиболее неблагоприятных для этого исторических условиях послевоенной американской оккупации (1945–1951 гг.) сохранить культурную идентичность нации, ее коллективную память и отечество, этническое прошлое и национальное единство. Оно сделало это вопреки американской политике разрушения традиционного государственного и культурного японского национализма после Второй мировой войны. Власти Японии отстаивали национальную и государственную независимость, умело сопротивляясь американской политике демонтажа всего национального, начиная от искоренения

японского национализма, его духовной основы – синтоизма, реформ образования и заканчивая военно-промышленными корпорациями дзайбацу.

Американцам после Второй мировой войны не удалось разрушить основание японского национализма. Они не смогли это сделать по одной простой причине – государство в Японии всегда серьезно относилось к сохранению этнических истоков нации. Они традиционно служили неотъемлемой составляющей националистической идеологии в Японии. Культурная история в Японии являлась прочной основой притягательности и успеха японского национализма в прошлом и настоящем.

Использование властями Японии идеологии государственного национализма в политических целях

Задача исследователей, работающих в области теории и практики современного национализма, в конечном счете состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос: какое воздействие национальные и этнические явления способны оказать не только на состояние общественной жизни в той или иной стране, но также и на международную практику и стабильность в мире? Эти знания особенно важны применительно к государствам, которые своей историей уже доказали способность использовать национализм в попытках получить односторонние стратегические, экономические и политические преимущества в системе международных отношений за счет ущемления интересов других стран и их разрушения. В значительной мере это относится и к Японии, поведение которой в мире с конца XIX вплоть до середины XX в. представляло собой значительную опасность для региональной безопасности и стабильности, влияло на нарушение глобального баланса сил. Осмысление современного национализма Японии дает возможность другим странам представить перспективы использования этой идеологии в новых политических проектах японской правящей элиты.

Разумеется, осмысление феномена японского национализма не исключает использование грубых моделей 1950–1960-х гг., которые преимущественно фокусировали внимание на идеологии национализма *per se* (самого по себе), а также на строительстве национального государства в Японии по модели «кокутай», и которые в тех или иных латентных формах работают и сегодня.

Однако по прошествии нескольких десятилетий, уже в начале XXI в., японский национализм стал испытывать на себе заметное влияние ряда новых факторов, таких как массовая культура, глобализация, подъем националистического движения в мире после холодной войны, переосмысление этнических символов, мифов и исторической памяти, которые стимулировали и нацию и государство на активизацию националистических движений и националистической мысли в Японии.

Идеологи современного национализма в Японии в новых внутренних и внешних условиях его воспроизводства делают больший акцент на «примордиальные», то есть исконно присущие нации и укоренившиеся в общем культурном наследии и языке атрибуты этого феномена. К ним в первую очередь относятся восстановление сильного чувства коллективной принадлежности к уникальной японской нации, акцент на отношении кровного родства всех японцев, их готовность к самопожертвованию. При этом государство усиливает пропаганду тесной взаимосвязи между этническими особенностями японской нации и принципиальным подходом к защите исконных границ национальной территории, исключая отказ идти до конца в решении спорных территориальных проблем со своими соседями по региону.

Японские националисты переосмысливают развитие японской нации с точки зрения *процессов long duree*, то есть долговременности ее исторического развития, отличавшегося непрерывностью во времени и в пространстве. Согласно теории перенниализма, японские националисты выводят историю развития японской нации из фундаментальных этнических корней, а не из процессов ее модернизации. Поэтому столь большое значение придается распространению в массовом сознании японцев мифов о происхождении японской нации, о националистической символике, о ценностях и националистических привязанностях японцев, начиная с рассказов об этом в детских садах и заканчивая популяризацией этих сюжетов в телевизионных программах и многочисленных японских комиксах манга. Таким образом, власти последовательно выковывают субъективное историческое измерение японской нации и японского национализма.

Решая поставленные задачи в области националистической пропаганды в современных условиях, государство использует историческую память о войне, но не о той войне, которую Япония проиграла и военные преступники которой были осуждены

международным военным трибуналом, а о той, в которой национальные герои Японии отдавали свои жизни за защиту суверенитета и независимости своей Родины. Представляется, что в Японии еще долго не наступит «постнациональный» порядок, о котором так много пишут современные постмодернисты, убежденные в поглощении национальной идентичности глобальной культурой в условиях наступления эры глобализации.

Тезис о готовности японцев еще долгое время сохранять свои национальные корни, свою самобытность и избегать быть поглощенными «глобальной культурой» находит свою аргументацию в истории страны. Во-первых, с ранних этапов организации государства в Японии японцы демонстрировали чувство преданности ему вначале на уровне своего даймё (сюзерена), а впоследствии – на уровне сегуна или императора как главы «большой японской семьи». Японцы всегда демонстрировали готовность мобилизоваться и сплотиться ради интересов защиты государства. Во-вторых, японцы умело защищали свою территорию как на уровне общины, так и на уровне государства. Они оберегали свои «святые места», связывая с ними представления о Родине. В-третьих, японцы оберегали свой язык и систему письма в различные периоды истории, включая и период оккупации страны после Второй мировой войны. Тем самым они лишней раз демонстрировали этническую преданность нации, своим национальным чувствам. В-четвертых, свой национализм японцы традиционно наполняли религиозными представлениями. Это в первую очередь относится не столько даже к заимствованной религии буддизма, сколько к национальной религии синто, которая в большей степени выражала этническую избранность японской нации. Именно синто поддерживало в нации дух к сопротивлению любым внешним интрузиям, обеспечивала способность мобилизовать национальную энергию на решение национальных задач. В-пятых, большую роль в сохранении национальной идентичности японцев играло в прошлом, играет в настоящем и вероятно, будет играть в будущем историописание нации: знаменитые «Нихоги», «Нихонсёку», «Кодзики», «Дай Нихон си», общее содержание которых хорошо известно каждому японцу. Чувство общей истории нации, того, что называется «этноисторией», пустило прочные корни в массовом сознании японцев. Наконец, в-шестых, важную роль в поддержании японского национализма играют ритуалы и национальные церемонии. В Японии поддержание национальных традиций,

подготовка и проведение красочных национальных праздников, всякого рода церемоний с использованием национальных символов и ритуалов – все это является выражением коллективной идентичности и солидарности нации в оценках национальной культуры и традиций. Проведение национальных праздников опирается на центральную роль мифов о национальных истоках и происхождении японской нации, о родовых памятниках и обрядах поминовения, в ходе которых японцы особо чтят память «великих усопших» и героев, павших за спасение Родины.

Самые серьезные последствия роста японского национализма следует видеть в том, что националисты в верхних эшелонах власти, а также среди японской интеллигенции рассматривают послевоенную демократизацию Японии как ошибку и более того – видят в послевоенных демократах своих идеологических «врагов народа». Японские националисты объясняют это тем, что демократический процесс в послевоенной Японии резко ослабил государство-нацию, подорвал традиционную для Японии систему ценностей, обеспечивавшую столетиями социальную стабильность и послушание. Сегодня это наиболее заметно на примере развернувшейся в японском обществе полемики о переписывании японской истории, когда одна часть политической элиты и общества испытывает гордость за сильное японское государство, которое защищало независимость и суверенитет нации в жесткой схватке с врагами Японии в годы Второй мировой войны, пусть и допуская при этом ошибки и преступления, тогда как другая часть японского общества всячески отрицает национальные успехи и во всем винит японских националистов в руководстве страны, политика которых привела государство к поражению и национальному позору. Националисты Японии, пропагандируя свои правые политические убеждения, сознательно раскалывают японское общество на сторонников сильного, независимого, суверенного государства и демократов- коллаборационистов, готовых идти на соглашательство и уступки иностранным державам по многим вопросам внутренней и внешней политики.

Пока японские националисты действуют осторожно, маскируя свою идеологию под либеральную. Однако «либеральные платья», в которые они одеваются, свидетельствуют скорее о том, что демократические, либеральные ценности не чужды части японского

общества и говорить о полной победе националистических сил в Японии в начале XXI в. пока преждевременно.

Недооценка опасности реанимации довоенного национализма в Японии, к чему приложили руки ученые, журналисты, либеральные политики, привела к тому, что в последние десятилетия в стране было выстроено достаточно монолитное идеологическое здание со многими элементами довоенного национализма. Разумеется, активизация деятельности различных националистических групп в современной Японии, восстановление властями страны довоенных националистических символов еще не означает автоматического возвращения идеологии довоенного национализма в японское общество. В Японии тех, кто хочет возврата к прошлому, мало. Да это и невозможно хотя бы потому, что интересы националистов лежат не в плоскости реанимации довоенной Японии с ее агрессивным, воинствующим национализмом и опасным милитаризмом, а в построении «новой, сильной и независимой Японии», которая должна иметь свою националистическую идеологию, Японии, которая после холодной войны оказалась в новом, враждебном ей международном окружении, доминирующими игроками в котором стал американский неоимпериализм, китайский и корейский неонационализм.

Литература

Андерсон, Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.

Ватанабэ Асаму. 1998. *Нихон то ва до цу куни ка, доко-э мукаттэ ику-но ка (Какая страна Япония? Куда она идет?) (на япон. яз.)*. Токио: Кёйку сирё сьюпанкай.

Комори Ёити, Такахаси Тэцуя (ред.) 1998. *Насёнару хистории-о коэтэ (Меняющаяся японская история) (на япон. яз.)*. Токио: Токё дайгаку сьюпанкай.

Anderson, B. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. 2nd ed. London: Verso.

Armstrong, J. 1982. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press.

Connor, W. 1994. *Ethno-Nationalism: The Quest for Understanding*. Princeton NJ: Princeton University Press.

Breuilly, J.

1982. *Nationalism and the State*. Manchester: Manchester University Press.

1993. *Nationalism and the State*. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press.

Giddens, A. 1985. *The Nation-state and Violence*. Cambridge: Polity Press.

Heywood, A. 2007. *Political Ideologies. An Introduction*. Ch. 1. 4th ed. N. Y.: Palgrave Macmillan.

Hobsbawn, E. 1990. *Nations and Nationalism Since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press.

Horowitz, D. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA; Los Angeles, CA: University of Carolina Press.

Kedourie, E. 1971. Introduction. In Kedourie, E. (ed.), *Nationalism in Asia and Africa*. London: Weidenfeld and Nicolson.

Mann, M. 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Seton-Watson, H. 1965. *Nationalism, Old and New*. Sydney: Sydney University Press.

Smith, A. D. 1986. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford: Blackwell.

Tilly, Ch. (ed.) 1975. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton NJ: Princeton University Press, Conclusion. Introduction.